

ПИСЬМА К. С. АКСАКОВА

изъ чужихъ краевъ въ Москву *).

1860.

Вѣна, 15 Сентября.

Я писалъ вамъ третьяго дня вечеромъ. На другой день утромъ (14 Сентября) пріѣхалъ Иванъ изъ Лейпцига, устроивъ все свои дѣла. Мы, обсудивши вмѣстѣ, рѣшили въ тотъ же день выѣхать изъ Праги, чтобъ не терять времени и поспѣшить на виноградное леченіе. Иванъ непремѣнно, и даже деспотически, требуетъ, чтобъ я посоветовался въ Вѣнѣ съ Шкодою, о которомъ съ большою похвалою говорилъ Варвинскій, который весьма знаменитъ въ Европѣ и о которомъ также со всехъ сторонъ слышимъ мы великія похвалы, собственно какъ о докторѣ по части грудныхъ болѣзней. Я доказываю Ивану, что это совсѣмъ не нужно, ибо совѣту Шкоды (если бы, напримѣръ, онъ посоветовалъ мнѣ ѣхать на воды) я не послѣдую. Но я соглашаюсь на это; Иванъ говоритъ, что онъ, *для себя*, хочетъ знать мнѣніе Шкоды о моемъ состояніи. Иванъ заботится обо мнѣ, какъ только можно заботиться, не допускаетъ меня ни до какихъ хлопотъ, внимателенъ ко всякой бездѣлицѣ, ходитъ самъ напередъ осматривать номера въ гостинницахъ. Я потому еще соглашаюсь на Шкоду, что онъ можетъ, я думаю, рѣшить за насъ, куда ѣхать: въ Дюркгеймъ или въ Швейцарію.

У насъ былъ Ганка, который сообщилъ мнѣ кой-что о Гатталѣ, не въ выгоду его, даже какъ ученаго; я доволенъ, что Гаттала самъ меня такимъ образомъ избавилъ отъ обязанности подарить ему мою Грамматику. Послѣ того, мы пошли въ Музеумъ, который показывалъ намъ Ганка, гдѣ видѣли автографы Жижки и Гуса. Потомъ были у Палацкаго (Ригера уже нѣтъ въ Прагѣ) и видѣли много дружбы искренней отъ Палацкаго; познакомились съ женою Ригера. И Палац-

*) См. выше стр. 134.

кій, и дочь его были искренне огорчены, узнавъ, что мы уѣзжаемъ сегодня; дочь, разумѣется, огорчалась за мужа. Они упрашивали насъ остаться, такъ что Иванъ думалъ, что я уступлю.

Наконецъ мы вечеромъ поѣхали въ вагонахъ 1-го класса; вагоны 2-го класса здѣсь очень безпокойны и были набиты биткомъ. Кромѣ насъ въ шести-мѣстномъ вагонѣ былъ одинъ молодой человѣкъ, говорившій хорошо по-французски; онъ объявилъ, что онъ одной съ нами вѣры православной, Грекъ изъ Грековъ, которые поселились давно въ Вѣнѣ, но хранить вѣру, обычаи и языкъ. Съ православнымъ сейчасъ чувствуешь себя своимъ. Выспавшись въ вагонахъ (Иванъ не спалъ двѣ ночи, ѣздя въ Лейпцигъ), утромъ мы пріѣхали въ Вѣну. Я сейчасъ пошелъ на почту и получилъ три письма отъ васъ. Какая это была для меня отрада!

Вѣна.

Сейчасъ былъ Шкода, и вотъ вамъ полный отчетъ о его посѣщеніи. Шкода, когда я ему назвалъ Варвинскаго, объявилъ, дружелюбно улыбаясь, что онъ его знаетъ, что онъ былъ здѣсь въ Вѣнѣ. Шкода прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ описаніе Варвинскаго, потомъ началъ меня осматривать. Осмотрѣвъ, онъ сказалъ (надо вамъ знать, что Шкода такой человѣкъ, который, по общему утверженію, говоритъ больному въ лицо все прямо, всю правду о его положеніи, какъ бы ни было оно плохо), и такъ, Шкода сказалъ: „Выздоровленіе ваше должно быть медленно и продолжительно, пока наконецъ вы придете въ то состояніе, въ какомъ были до этого; болѣзнь васъ покинула, но оставила слѣды, которые должны мало по малу уничтожиться; но—никакого *напряженія*, вотъ условіе (*keine Austrengung*). Лучшаго леченія вамъ нельзя было назначить, какъ леченіе виноградное. Оставшіяся у васъ затвердѣлости и окрѣпости должны разрешиться, и виноградъ здѣсь полезенъ именно вслѣдствіе своего разрешающаго дѣйствія; полезенъ онъ какъ относительно печени, такъ и относительно легкаго⁴. Мы спросили, гдѣ же пользоваться виноградомъ? Шкода сказалъ, что лучшій виноградъ и лучшее для этого мѣсто, это Меранъ; но что теперь, вѣроятно, прошло время, ибо виноградъ поспѣваетъ рано. О Меранѣ слышалъ я и прежде, и большія похвалы. Мы сказали Шкодѣ, что у насъ въ виду два мѣста: Рейнъ (Дюркгеймъ) и Швейцарія (Вевер). Шкода отвѣчалъ, что на Рейнѣ (онъ это знаетъ положительно) винограда нѣтъ (то есть, настоящаго винограда). Про Вевер онъ не знаетъ; но что климатъ тамъ хорошъ. Иванъ спросилъ Шкоду положительно, нужно ли мнѣ зиму провести за границею, въ тепломъ климатѣ? Шкода отвѣчалъ, что не видитъ здѣсь необходимаго

условія (keine nothwendige Bedingung), что я могу и въ Москвѣ выздороветь (genesen), но что, конечно, теплый климатъ всегда хорошъ. Я сказалъ, что думаю воротиться въ Москву. „Тогда зачѣмъ же вамъ ѣхать въ Веве?“ сказалъ Шкода. „Еслибъ вы хотѣли провести зиму въ Ниццѣ, то конечно было бы это вамъ по дорогѣ, и кстати. Если же вы думаете ѣхать въ Россію, то пользуйтесь виноградомъ здѣсь въ Баденѣ (часть ѣзды отъ Вѣны); тамъ бездна винограду, и виноградъ хорошій; теперь поспѣлъ. Вы должны ѣсть *сладкій* виноградъ, а будь это синій или бѣлый, все равно“. Но Меранъ Шкода превозносилъ. Иванъ спросилъ, что, можетъ быть, не ушло время, и что надо бы спросить кого-нибудь по телеграфу въ Меранъ. Шкода назвалъ доктора Пирхера. Очевидно, что Шкода былъ совершенно одного мнѣнія съ Варвинскимъ и внимательно напомнилъ мнѣ, чтобъ я надѣлъ нагрудникъ, когда я одѣвался. Когда, прощаясь съ нимъ, я заговорилъ нѣсколько одушевленно, Шкода сейчасъ замѣтилъ, что я не долженъ говорить такъ горячо. Онъ повторялъ, что условіе моего выздоровленія должно состоять въ томъ, чтобъ не допускать никакого усиленія, никакого напряженія, ни утомленія, конечно, ни нравственнаго, ни физическаго. Онъ даже никакого другаго леченія (кромѣ притомъ винограднаго) для меня не видитъ. Шкода маленькаго роста, остриженъ въ кружокъ, хохоль настоящій, и при томъ особый типъ хохла. Про васъ говорятъ, сказали мы ему, что вы всегда говорите правду больнымъ. „Мнѣ не трудно было вамъ сказать правду“, отвѣчалъ Шкода. Я вручилъ ему 10 флор. (5 р. сер.), и мы разстались. Иванъ провожалъ его, и онъ повторилъ ему о возможности полного моего выздоровленія*). Итакъ, вотъ слова и мнѣніе весьма здѣсь знаменитаго, и притомъ собственно по части этихъ болѣзней, Шкоды. Вы видите, что мое положеніе требуетъ только осторожности, что для меня возможно полное выздоровленіе, что мнѣ собственно должно помочь время. Это все весьма близко къ тому, что говорилъ Варвинскій. Наконецъ Шкода не считаетъ нужнымъ оставаться за границую. Это все должно васъ успокоить. Мы послали телеграмму въ Меранъ и должны дожидаться отвѣта. Если намъ скажутъ, что время для винограду не ушло, то рѣшаемся ѣхать въ Меранъ, который притомъ, говорятъ, и довольно уединенъ. Если же въ Меранъ нельзя, то не знаемъ еще какъ быть. Иванъ не хвалитъ Баденъ, сборище всей Вѣнской знати, извѣстный,

*) Такъ было мною передано брату. Шкода дѣйствительно повторилъ и мнѣ сказанное имъ К. С-чу; очевидно, онъ полагалъ выздоровленіе сомнительнымъ, даже совершенно невозможнымъ, потому что ставилъ его въ зависимость отъ соблюденія явно невозможныхъ условій: никакого усилія, никакого утомленія и т. п. И. А.

собственно своими ваннами, и мнѣ бы туда не хотѣлось. Чрезвычайно я жалѣю, что не спросилъ Шкоду, нельзя ли ѣхать на леченье куда нибудь на Югъ Австріи въ Славянскія земли. Я спросилъ Шкоду о продолжительности винограднаго леченья; онъ сказалъ безжалостно: шесть недѣль. Я сказалъ было, что такъ какъ теперь было такое холодное лѣто и неблагоприятное созрѣваніе винограда, то не ѣхать ли мнѣ въ Россію назадъ. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, вамъ нужно виноградное леченье. Передъ Шкодою долго сидѣлъ у насъ Галичанинъ Криницкій, послѣ Шкоды пришелъ Гагаринъ и сидѣлъ тоже долго. Славный человекъ! Какъ искренно онъ обрадовался отзыву Шкоды обо мнѣ. Но однако мнѣ помѣшали перечестъ ваши письма.

Сейчасъ воротились съ обѣда отъ нашего посланника, который онъ давалъ намъ (по выраженію Гагарина). Обѣдъ былъ Русскій—щи, каша, кулебяка, бѣлые грибы, огурцы. Я ѣлъ конечно умѣренно; но отказаться отъ обѣда было нельзя и не должно. Балабинъ отличный человекъ! Всѣ Славяне отъ него въ восторгѣ, и говорятъ, что такого посланника еще не бывало въ Вѣнѣ. Балабинъ просилъ меня, чтобъ я далъ ему письма къ Хомякову, Самарину и др., чтобы познакомиться. Я непременно хочу къ нимъ писать еще прежде. Гагаринъ говорилъ мнѣ, что Балабину очень бы желалось поговорить со мною подробнѣе и узнать отъ меня всѣ основанія нашего направленія. Воротившись съ обѣда, нашли мы уже отвѣтную депешу изъ Мерана. Докторъ Пирхеръ пишетъ, что есть время на четырехнедѣльный курсъ, но остальные двѣ недѣли надо пользоваться уже сохраненнымъ, *aufbewahrt*, виноградомъ. Этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ насъ. Иванъ ѣздилъ къ Шкодѣ вечеромъ же, но не засталъ его дома. Вечеромъ были у насъ опять Раевскій и двое Славянъ. Я, признаться, усталъ послѣ обѣда и хотя потомъ и отдохнулъ; но обдумать, чтò дѣлать, мѣшали намъ на сей разъ добрые наши гости. Когда они ушли, то, не рѣшивъ еще вопроса окончательно, я легъ спать. Я часто просыпался, и просыпаясь, обдумывалъ, чтò дѣлать. Наконецъ къ утру рѣшился въ Меранъ не ѣхать и, слѣдовательно, ѣхать въ Веве. Мое рѣшеніе образовалось на слѣдующемъ основаніи: въ Меранъ можемъ мы попасть не ближе, какъ черезъ недѣлю*). Тогда останется не четыре, а три недѣли свѣжаго винограду, а это уже половина курса. Желая совершенно добросовѣстно исполнить свое леченье, я не могъ его такъ видоизмѣнить. Еслибъ Шкода даже посовѣтовалъ мнѣ или согласился, чтобъ я ѣхалъ ѣсть виноградъ въ Славянскія или Венгерскія земли (чего бы я

*) Тогда Меранъ еще не соединялся желѣзною дорогою съ Вѣной. И. С.

весьма желалъ), то могъ ли бы я поступить такъ? Въ васъ, быть можетъ, и осталось бы, весьма законное, сомнѣніе, что я ѣлъ виноградъ не въ такихъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно лечатся виноградомъ, что свойства винограда этихъ земель еще неизвѣстны. Между тѣмъ, Веве мѣсто извѣстное своимъ виноградомъ, и кто лечится виноградомъ въ Веве, тотъ уже настоящимъ образомъ выполняетъ виноградное леченіе. Опоздать въ Веве мудро, ибо въ концѣ Сентября долженъ лишь начаться курсъ. Вы всѣ желали, кажется, чтобъ я лечился въ Веве. Однимъ словомъ, леченіемъ въ Веве—устраиваются всѣ сомнѣнія въ самомъ леченіи и исполняются всѣ указанія, данныя мнѣ въ Москвѣ Варвинскимъ и вами. Все это я обдумалъ и рѣшился ѣхать въ Веве. Много значить то, что въ Женевѣ (4 часа отъ Веве на пароходѣ) наша Русская церковь. Я надѣюсь, что могу найти уединеніе, поселившись, если не въ самомъ Веве, то въ Монтрѣ, или Вето. Иванъ, рано проснувшись, согласился съ моимъ рѣшеніемъ, а для того, чтобъ не терять времени и быть въ Женевѣ еще 19 Сентября, мы встали, успѣли уложиться и успѣли уѣхать съ утреннимъ скорымъ поѣздомъ (въ 7 часовъ), взявъ мѣста, по непремѣнному желанію брата въ 1-мъ классѣ; ибо ему хотѣлось, чтобъ я могъ отдохнуть, послѣ усталости и худо проспавшей ночи*). Мы были вдвоемъ, и я точно отдохнулъ. Приѣхавъ вечеромъ въ Мюнхенъ и переночевавши, мы рано поѣхали дальше. Въ 12 часовъ были мы на берегу озера Констанцкаго или Костницкаго, сѣли на пароходъ, переплыли озеро, и, вступивъ на Швейцарскую землю, взяли вагоны прямо до Женевы, и опять въ 1-мъ классѣ, ради Швейцарской скверной системы желѣзныхъ дорогъ. Я было досадовалъ, но потомъ увидѣлъ, что это было не даромъ: мы безпрестанно мѣняли вагоны, и при этихъ перемѣнахъ много помогло то, что мы были въ 1-мъ классѣ. Ѣзда по Швейцарскимъ желѣзнымъ дорогамъ Ѣзда самая безпокойная. Вступивъ въ Швейцарію, сейчасъ чувствуете разницу народностей, хотя слышится тотъ же Нѣмецкій языкъ. Нѣмцы (говоря про народъ вообще) и доселѣ не утратили нисколько своего добродушія, за которое не разъ скажемъ имъ спасибо. Но здѣсь является грубость, весьма непріятно васъ поражающая послѣ Нѣмецкой учтивости. Эта Швейцарія, находясь подъ обезпеченіемъ всей Европы (довольно униженное положеніе) не имѣетъ политическаго значенія; а между тѣмъ, это не маленькая страна. Въ

*) Я счелъ нужнымъ согласиться и не откладывать отъѣзда какъ потому, что надо же было скорѣе начать виноградное леченіе, такъ и потому, что частыя въ Вѣнѣ посѣщенія гостей, въ особенности Славянъ, возбуждавшія оживленные споры, утомляя К. С., явно вредили его здоровью. Къ тому же нерѣшенное положеніе тревожило брата и приводило его въ мучительное нервное возбужденіе. И. А.

настоящую минуту, когда Наполеонъ преспокойно взялъ себѣ ея нейтральныя провинціи, Швейцарія было заговорила и зашумѣла, но оказалось, что шумъ этотъ былъ пустой (въ чемъ виновата сама она). Швейцарія разочла, что ей выгоднѣе безсовѣстно обирать и грабить путешественниковъ. чѣмъ драться съ Франціею, и успокоилась; но какъ ей отказать—отъ крику покрайней мѣрѣ?! Когда мы ѣхали по Швейцаріи, то цѣлый день горланили ея сыны пѣсни. Намъ сказали, что это былъ праздникъ „общества Гельвеціи“. Какъ легко и какъ заманчиво для человѣка устроить себѣ такія игрушки, но какъ онѣ обманчивы! Какъ успокоиваютъ эти „общества“, давая ложное удовлетвореніе потребности дѣйствовать, и какъ портятъ человѣка. Пируетъ „общество“, поетъ, поетъ, и думаетъ, что дѣлаетъ дѣло; провозглашаетъ тостъ за славу и побѣду Гельвеціи, и ему кажется, что оно уже и пріобрѣло эту славу. и одержало побѣду. Здѣсь множество „обществъ“.

Наконецъ, часа въ 4, пріѣхали мы въ Женеву. гдѣ народъ все же поучтивѣе. Мы сейчасъ поѣхали къ нашему священнику. Это хорошій человѣкъ. Онъ знаетъ Гришу¹⁾, крестилъ у него дочь въ Бохожѣ, но человѣкъ простой. Онъ далъ намъ много свѣдѣній, утвердившихъ меня въ томъ, что рѣшеніе, мною принятое, есть самое благоразумное. Курсъ винограда существуетъ и нынѣшній годъ, и по словамъ одного доктора (Демантеле), который самъ говорилъ священнику объ этомъ, виноградъ и нынѣшняго года. если неблагопріятенъ для вина, то для леченія хорошъ. Священникъ знаетъ Кюршд, и очень его хвалитъ, говоритъ, что онъ нисколько не шарлатанъ и человѣкъ серьезный. Отъ священника мы узнали подробности о пансіонахъ: они хороши и недороги. По его словамъ, Монтрѣ теплѣе гораздо Веве, а Вето—теплѣе Монтрѣ: здѣсь все зависитъ отъ положенія горъ. Онъ говоритъ, что часто, когда Женева въ облакахъ или въ туманѣ, въ Веве, Монтрѣ и Вето—солнце, тепло и ясно. Мы попросили его, чтобъ завтра была заупокойная обѣдня и панихида.

Сентябрь 20. Сегодня служили мы заупокойную обѣдню и панихиду. Чтѣ прибавлять къ этому? 25 Сентября²⁾. Воскресенье, будетъ обѣдня; поэтому заказать обѣдни заупокойной нельзя, а хотимъ, чтобъ помянули за обѣдней и отслужить одну панихиду. Теперь собираемся ѣхать въ Веве, чтобы увидаться съ Кюршд и немедленно приступить къ леченію. Пароходъ идетъ въ два часа. Погода была все ненастная.

¹⁾ Это Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ. Единственная дочь его, дѣвица Ольга Григорьевна и ея братъ Сергѣй Григорьевичъ нынѣ представители семьи Аксаковыхъ. П. Б.

²⁾ День именинъ покойнаго отца, Сергѣя Тимоеевича. И. А.

но теперь проясняется. Я все сдѣлаю, что нужно для моего здоровья. Кюршо долженъ окончательно рѣшить относительно винограднаго леченія. Хочется добратъ до спокойнаго уголка, гдѣ бы можно было остаться на одномъ мѣстѣ и начать свои занятія. Какъ тяжело путешествіе! Какъ много въ немъ суеты, какъ легко примѣшивается къ нему пустота! Но это мое путешествіе было не безплодно. Многое узналъ я и даже еще не во всемъ отдалъ себѣ отчетъ. Но теперь довольно. Что было нужно, что было можно видѣть я видѣлъ. Есть путешествіе другаго рода, но объ немъ думать нечего и, въ немъ, какъ въ дополнительномъ, большой надобности нѣтъ. Объ немъ я не думаю. Мое путешествіе кончено¹⁾. Теперь леченіе и возвращеніе въ Россію, къ вамъ....

Вевѣ, 23 Сентября.

Вотъ мы и въ Веве, видѣли и Кюршо, осматривали на берегу озера отъ Веве до Монтрѣ разныя жилища; наконецъ нашли себѣ и квартиру подлѣ Веве, перебрались въ нее, наконецъ я и началъ виноградъ сегодня. Поступилъ я, пріѣхавъ сюда лечиться, желая поступить какъ должно; но, пріѣхавъ сюда, я увидалъ (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется), что можно было бы и не ѣздить въ Швейцарію. Впрочемъ, этого знать заранѣе, не пріѣхавъ сюда, нельзя было; это можно узнать было только на мѣстѣ; и такъ, я не могу очень винить себя. А если вы будете довольны моимъ рѣшеніемъ, то я буду имъ вполне доволенъ: ибо это—главное, то есть, чтобы вы были довольны.—О Кюршо со всѣхъ сторонъ слышали и слышимъ самыя лучшіе отзывы, какъ о человѣкѣ прямомъ, ни сколько не шарлатанѣ и не корыстолюбивомъ. Пріѣхавъ вечеромъ въ Веве и остановившись въ отелѣ *Бьяло Креста* (Швейцарскій гербъ), мы послали къ Кюршо, прося его быть къ намъ поутру рано. Кюршо явился на другой день; это молодой человѣкъ весьма пріятной наружности, милый, очевидно добрый Французъ, съ какимъ-то, въ тоже время, постоянно серьезнымъ и устремленнымъ выраженіемъ на лицѣ. Я передалъ ему поклонъ и спасибо за брошюрку отъ Варвинскаго, сказалъ, что онъ, посылая меня лечиться виноградомъ, адресовалъ меня къ нему, и что я буду обращаться къ нему въ нужныхъ случаяхъ. Кюршо прочелъ описаніе Варвинскаго и сказалъ: Варвинскій говоритъ, что вы худы; я этого не нахожу. *Peut-être vous avez repris. Donc le voyage vous a fait du bien*²⁾. Мы отвѣчали ему, что я худъ сравнительно съ тѣмъ, что былъ, но что дорога точно сдѣлала мнѣ пользу. Вслѣдъ за этимъ, Кюршо принялся меня осматривать и сталъ осматривать весьма серьезно, раздѣвъ меня совсѣмъ; онъ

¹⁾ Загадочныя слова. Не мысль ли это о смерти? П. Б.

²⁾ Можетъ быть „вы поправились; стало, путешествіе было вамъ въ пользу“.

осматривалъ долго и, приложивъ ухо къ моей груди, заставляя меня разговаривать и для этого дѣлалъ мнѣ разные вопросы. Первый вопросъ меня очень удивилъ: *Connaissez vous la comtesse Salias?*¹⁾ Оказывается, что онъ познакомился съ нею какъ-то въ Римѣ.—Могу ли я начать виноградное леченіе? спросилъ я. Хорошо виноградное леченіе, отвѣчалъ Кюршо: но послѣ этого васъ надобно еще лечить; не знаю, можно ли вамъ воротиться на зиму въ Россію. А теперь вамъ надобно поставить *des sautères*²⁾. Что это такое, спросилъ я.—Родъ весикатуаровъ, отвѣчалъ Кюршо, и, живой Французъ, показалъ на себѣ слѣды этихъ *sautères*. Не понравилось мнѣ такое намѣреніе. „Я отвѣчалъ вамъ по телеграфу“, сказалъ Кюршо, „что виноградное леченіе начнется въ концѣ Сентября, но я ошибся; я назначилъ срокъ *слишкомъ рано*“.—„Слѣдовательно, я къ винограду не опоздаю, а скорѣе напротивъ“. Какой же виноградъ назначите вы мнѣ, *de quelle espèce?*³⁾ спросилъ я Кюршо, желая обратить его вниманіе на виноградное собственно леченіе. „Бѣлый, потому что синій нынѣшній годъ рѣшительно не годится, и при томъ не крупныя ягоды, а такія, чтобъ не были плотно вмѣстѣ, такія зрѣлыя“, такъ отвѣчалъ Кюршо, признаться довольно небрежно... Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что надо начать съ двухъ половиною фунтовъ, три раза въ день (какъ это сказано въ его книгѣ). „Какъ же я буду доставать виноградъ, какой мнѣ нужно?“ спросилъ я. „Вамъ будетъ его доставлять уже *maître de pension*⁴⁾, въ которомъ вы помѣститесь“... Потомъ Кюршо ушелъ, положивъ вдругъ себѣ въ карманъ описаніе моей болѣзни, сдѣланное Варвинскимъ.—Я былъ не совѣмъ доволенъ посѣщеніемъ Кюршо. Я вполнѣ вѣрю его добросовѣстности и безкорыстности, вѣрю, что онъ хорошій докторъ; но мнѣ показалось, что онъ охотникъ лечить; онъ сейчасъ сказалъ, что напрасно я не поѣхалъ въ Соденъ, что мнѣ надобно было бы сперва попить воды въ Соденѣ или въ Эмсѣ, и потомъ сѣсть на виноградъ. Итакъ, виноградное леченіе считаетъ онъ дополнительнымъ (*Nachkur*), а не главнымъ. Больше же всего мнѣ было странно, что я не встрѣтилъ въ немъ того отношенія къ виноградному леченію, какъ я предполагалъ. Я думалъ, судя по брошюркѣ, что виноградное леченіе—предметъ его особеннаго вниманія, что другіе доктора относятся къ нему просто, говоря: „кушайте виноградъ, чтобы былъ зрѣлый, а не кислый, выбирайте его сами, при известной діетѣ, конечно“, и только; но что здѣсь виноградъ будетъ выбранъ самимъ докторомъ, указана будетъ особая порода лозъ, или особый виноградникъ, который будетъ подходить собственно къ моей болѣзни. Это было одною

¹⁾ Знаете ли вы графиню Салиасъ?—²⁾ Заволока-фонтанель.—³⁾ Какого рода?
⁴⁾ Хозяинъ заѣзжаго дома.

изъ причинъ, почему думалъ я должнымъ ѣхать сюда. Ничего этого не бывало. Кюршо именно на виноградъ обращаетъ мало вниманія; еслибъ я ему объ немъ не напомнилъ, онъ бы и не заговорилъ объ немъ. Я показывалъ ему виноградъ, взятый мною на пробу, говоря, что я имъ недоволенъ; онъ съѣлъ нѣсколько ягодокъ, сказалъ, что вѣроятно хозяйка намъ найдетъ лучше, и только. Хозяйка точно нашла мнѣ виноградаря (vigneron), и я началъ ѣсть виноградъ, признаться не находя его всегда зрѣлымъ и не кислымъ; онъ впрочемъ оставляетъ весьма пріятную отрыжку свѣжими огурцами. Меня увѣряютъ, что онъ будетъ зрѣть теперь съ каждымъ часомъ, какъ скоро будутъ солнечные дни, которые, кажется, и наступили. Видя, что здѣсь съ виноградомъ обращаются также попросту, безъ ученыхъ приемовъ, какъ и во всей Германіи (т. е. бери самъ и ѣшь), видя, что Кюршо для винограднаго леченья вовсе не является нужнымъ, наконецъ видя, что и виноградъ здѣсь еще не вполне созрѣлъ, я впалъ въ большое раздумье и сожалѣніе, что пріѣхалъ въ эту Швейцарію, притащилъ съ собою сюда брата, сдѣлалъ лишнюю поѣздку и не остался въ Вѣннѣ или лучше въ одномъ часѣ разстоянія отъ Вѣны, ѣсть виноградъ въ Баденѣ. Но это все можно было увидать, пріѣхавъ въ Швейцарію; я не могу себя обвинять за это рѣшеніе. Баденъ вовсе неизвѣстенъ какъ мѣсто винограднаго леченья, да и виноградъ могъ-бы имѣть другія свойства, хотя Шкода увѣрялъ, что одинъ Меранской виноградъ лучше всѣхъ, а что нѣтъ разницы между Баденскимъ (т. е. подлѣ Вѣны) и Вевейскимъ. Но въ Шкодѣ легко могло говорить мѣстное пристрастіе; къ тому же, когда я спросилъ его, какой мнѣ ѣсть виноградъ, то отвѣтъ его: „это совершенно все равно, синій ли, бѣлый ли, лишь бы былъ зрѣлъ, вы найдете виноградъ на рынкѣ“; такой отвѣтъ показался мнѣ очень небрежнымъ. Я подумалъ, что нѣкоторые Нѣмецкіе доктора небрежно смотрятъ на виноградное леченье, въ чемъ и обвиняетъ ихъ Кюршо... Я вспомнилъ слова и совѣтъ Варвинскаго съѣздить лучше въ Веве; да, кажется, и вообще всѣ думали, что Веве—настоящее мѣсто леченья. А имѣя намѣреніе лечиться настоящимъ образомъ и сообразя все это, я и поѣхалъ въ Веве. Многое нашелъ я здѣсь не такъ, какъ воображалъ; но я не нашелъ только *лучше* прочихъ мѣстъ, но конечно и *не хуже* относительно винограднаго леченья. Впрочемъ меня смущало одно: до самаго нашего пріѣзда все лѣто и весну и осень лили дожди. Всего было дня четыре хорошихъ (какъ сказалъ мнѣ одинъ матросъ на Женевскомъ пароходѣ), и то недавно. При такой погодѣ представлялся естественно вопросъ: существуетъ ли *cure de raisin* въ нынѣшнемъ году или, по крайней мѣрѣ, можетъ ли онъ быть полезенъ? Вѣдь манкировалъ же онъ на Рейнѣ. Еслибъ это было такъ, намъ

оставалось бы воротиться поскорѣе въ Вѣну и приняться за виноградъ; (во всякомъ случаѣ, возвращаясь отсюда въ Россію, намъ надобно ѣхать черезъ Вѣну). Сомнѣніе мое насчетъ *cure de raisin* *) въ Швейцаріи, подтверждала и наша хозяйка (умная и серьезная женщина), и не очень противорѣчила мысли возвращенія въ Россію, хотя это для нея было бы и не выгодно. Вопросъ былъ важный, и мы съ Иваномъ рѣшились предложить Кюршо этотъ вопросъ, и ему предоставить рѣшеніе; таже самая хозяйка наша говорила про Кюршо, какъ про самаго прямого и безкорыстнаго человѣка, которому въ этомъ случаѣ можно говорить. Мы спросили Кюршо, и онъ отвѣчалъ намъ рѣшительно, что, *comme cure*, онъ даже предпочитаетъ виноградъ нынѣшняго года винограду прошлаго года, когда была погода превосходная. Этотъ отвѣтъ рѣшилъ насъ окончательно. Мы устроились, и я началъ *cure de raisin*. Погода установилась прекрасная, солнце—цѣлый день; виноградъ такъ быстро дозрѣваетъ, что ужъ сегодня я ѣлъ совершенно спѣлый. Онъ мнѣ очень по вкусу; я чувствую, что могу съѣсть его много... Мнѣ кажется, что виноградъ долженъ сдѣлать мнѣ пользу, какую отъ него ожидали. Веве вовсе не такъ шумно, какъ я предполагалъ: иностранцы расселились большею частію по берегу озера въ пансіонахъ; на улицахъ ихъ здѣсь рѣдко встрѣчаешь. Мы же съ Иваномъ живемъ такъ уединенно, какъ только можно желать. Съ этой стороны я пріятно обманулся относительно Веве.

26 Сентября.

Вчера были мы въ Женевѣ у обѣдни. Священникъ не согласился служить заупокойную обѣдню, ибо было Воскресенье, не согласился даже помянуть громко за ектенію. Мы вынули просфору и служили панихиду. Мнѣ не очень нравится, какъ служить здѣшній священникъ; изъ панихиды выкидываются у него всѣ эти чудные заупокойные стихи, которые такъ наполняютъ душу горемъ и въ тоже время упованіемъ небеснымъ, и такъ живо даютъ чувствовать нашу неразрывную связь съ милымъ отцомъ и вообще съ тѣмъ міромъ, куда мы всѣ идемъ, и который и есть настоящій міръ... Мы живемъ здѣсь не въ Веве собственно, а въ *La Tour*, деревенька подлѣ самаго Веве. Теперь, когда погода превосходная, я думаю, что, можетъ быть, *cure de raisin* въ Веве имѣетъ свои преимущества передъ другими мѣстами; неизвѣстно еще, какова-то тамъ погода. Быть можетъ и виноградъ здѣсь все же разнится отъ другихъ сколько нибудь. По крайней мѣрѣ, Веве есть уже извѣстное мѣсто для винограднаго леченія. Я чувствую себя рѣшительно лучше; правая нога укрѣпилась, и я могу ходить на каблукахъ.

*) Лечение виноградомъ.

Самъ я чувствую себя крѣпче, дѣлаю довольно движенія, меньше запыхиваюсь; виноградъ меня рѣшительно освѣжаетъ.

Веве-Лагуръ, Сентября 28.

Я не написалъ вамъ, кажется, о томъ, какъ показалась мнѣ Швейцарія. Она на меня какъ-то особенно чуждо повѣяла. Какъ только мы въѣхали въ Швейцарію, меня обхватило такое чувство отдаленности отъ Россіи и отъ васъ, какого я не испытывалъ, будучи въ Германіи. И въ самомъ дѣлѣ, это уже не *сосѣдняя* страна. Къ тому жъ съ Швейцаріею какъ-то особенно мало общаго. Вся Швейцарія—какая-то не настоящая страна; вся она состоитъ изъ ненастоящихъ Нѣмцевъ, не настоящихъ Французовъ и не настоящихъ Итальянцевъ. Для отдѣльныхъ личностей, такое условіе можетъ быть даже выгодно, такъ какъ ненастоящіе Французы Швейцарскіе выше настоящихъ отдѣльно взятыхъ; но, какъ страна, какъ народъ,—Швейцарія является какимъ-то искусственнымъ произведеніемъ, лишеннымъ настоящаго значенія въ исторіи народовъ*). Въ Швейцаріи выдается у людей собственно *чувство родины*, а не чувство отечества, народа, земли. Отсюда это Швейцарское *mal du pays*, которое мнѣ не нравится, признаюсь; ибо это уже что-то почти матеріальное, физическое, это уже болѣзнь. И потомъ, эти же самые Швейцарцы такъ легко нанимаются жить въ чужихъ краяхъ и за деньги отдають свою жизнь за кого угодно (какъ теперь на примѣръ за Неаполитанскаго короля). Нѣмецъ—для насъ другое дѣло; Нѣмецъ намъ человѣкъ знакомый, свой человѣкъ. Сколько разъ мы и бивали его, и смѣялись надъ нимъ, и ругали его, и удивлялись ему какъ философу, какъ поэту. Въ Германіи я между знакомыми; но здѣсь—совсѣмъ другое дѣло. Впрочемъ, люди, какъ люди, здѣсь предобрые. Чтò за добрѣйшіе, за прекрасные люди наши хозяева? Онъ Французъ изъ южной Франціи, а она Швейцарка изъ Женевы. Ему около восьмидесяти лѣтъ; ноги у него разбиты параличемъ, но хотя и съ трудомъ, онъ ходитъ; она тоже немолодая женщина. Какъ заботятся они объ насъ! Сколько вниманія! Такъ что даже совѣстно. Прислуживаетъ намъ Фанни, женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, весьма впрочемъ расторопная и услужливая. Все это хорошо, и еслибъ цѣль путешествія была: жить мирно у М-г и М-ше Langlois въ Latour подлѣ Vévey, пользоваться ихъ любезностью и гостеприимствомъ, поговорить иногда съ адвокатомъ, живущимъ въ верхнемъ этажѣ, прочитать *Journal de Genève* и пр. и пр. въ этомъ родѣ, еслибъ такова была цѣль моей поѣздки: почему бы и не жить въ Веве? Но цѣль путешествія—леченье виноградомъ, и, конечно, хоро-

*) Вспоминается выраженіе А. С. Хомякова: пустоцвѣтъ Швейцаріи. П. Б.

шая теплая погода, также воздухъ, благопріятный для груди. Эта цѣль, надо сказать правду, достигается неполнѣ. Кромѣ всего того, что я уже писалъ вамъ прежде, надо прибавить, что установившаяся было хорошая погода вдругъ испортилась: вчера былъ дождь, цѣлая буря, и на горахъ выпалъ новый снѣгъ, покрывшій ихъ мѣстами почти до половины. По моему, воздухъ здѣсь острый и суровый; быть можетъ, это только *нынѣшній* годъ (*année exceptionnelle*, какъ говоритъ Кюршо), но вѣдь я въ *нынѣшнемъ* году здѣсь нахожусь. Кажется, что погода въ нынѣшнемъ году, столь гнусная во всей Западной Европѣ, была въ Швейцаріи хуже, чѣмъ гдѣ нибудь. Когда мы ѣхали изъ Женевы въ Веве, я спросилъ матроса о погодѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что дождикъ льетъ этотъ цѣлый годъ, что всего было хорошихъ дня четыре, и что это не большая старина. На прошедшей недѣлѣ, мы уже два раза *топили*, у насъ тепло, печка прекрасная, комната ухищена, какъ нельзя лучше. Но вѣдь не съ тѣмъ пріѣхали мы въ Швейцарію, чтобъ топить печки. Это тепло всего лучше можно достать въ Россіи. Положимъ здѣсь погода осенняя, да вѣдь такая погода и у насъ теперь. Вѣдь я пріѣхалъ въ Швейцарію искать теплой погоды, а не печнаго тепла. Очень, очень сожалѣю, что я пріѣхалъ сюда, а не остался подлѣ Вѣны въ Баденѣ, гдѣ погода, по крайней мѣрѣ, не хуже, а виноградомъ, кажется, вездѣ можно лечиться. Но этого всего напередъ знать было нельзя. Признаться, мнѣ кажется, что, кромѣ холодной погоды, самый воздухъ здѣшній нехорошъ для груди. Если погода все будетъ такая, то я думаю уѣхать отсюда и доѣхать виноградъ въ Баденѣ подлѣ Вѣны; въ Вѣну, во всякомъ случаѣ, намъ бы пришлось ѣхать, слѣдовательно мы только пріѣдемъ туда раньше. Не будетъ ли это просто безуміемъ забнуть въ Веве, или же не забнуть только съ помощію дровъ, двойнаго пальто, шарфа и фуфайки?.. Написавъ эти три странички, я пошелъ съѣсть свои блюда въ *Hôtel du Lac*, пошелъ закутавшись: воздухъ зимній. Идучи дорогой, я могъ разглядѣть горы лучше, чѣмъ изъ садика. Выпала страшная масса снѣгу; инья горы обсыпаны имъ гораздо ниже половины; на крутыхъ горахъ снѣгъ лежитъ какъ бы потоками сверху внизъ. Я встрѣтилъ Кюршо. *Quel rude climat!* сказалъ я ему. *Ah! c'est une année exceptionnelle* *), отвѣчалъ мнѣ Кюршо. Вчера къ ночи выяснило; вечеромъ было 6 град. тепла, если Вевейскій термометръ, купленный нами и выставленный на воздухъ, не совралъ. Въ ночи ревѣлъ вѣтеръ, а сегодня льетъ дождь. Чтѣ тутъ дѣлать? Нечего и думать о тѣлодвиженіи на воздухъ, хотя я хочу непремѣнно выйти, чтобъ отъ воздуха не отвыкать. Не рѣшаемся еще

*) Какой суровый климатъ! Ахъ это годъ исключительный.

уѣхать, хотя нисколько не виноваты и не смѣшны тѣ Русскіе, которые нынѣшнимъ лѣтомъ, поѣхавъ лечиться за границу, бѣжали отсюда назадъ въ Россію ради гнусной за границей погоды. Вѣна сѣвернѣе, чѣмъ Веве; но нынѣшній годъ все на оборотъ. Братъ Иванъ видѣлъ Прусскаго барона, только что пріѣхавшаго въ Веве и изумленнаго скверною здѣшнею погодой; баронъ провелъ Сентябрь въ Пруссіи, въ Познани, пользуясь превосходною теплою погодой и кушая зрѣлый виноградъ. Но какъ бы ни рѣшились мы, извѣщаю васъ о главномъ, что я здоровъ, что виноградъ мнѣ очень по вкусу и долженъ, кажется, мнѣ сдѣлать пользу; конечно жаль, что условія, при которыхъ онъ употребляется, такія неблагопріятныя. Сегодня пойду въ Cercle du Lemai читать газеты. Кюршо далъ намъ туда билеты для входа, а я еще не былъ; вчера онъ спрашивалъ меня объ этомъ. Я сталъ переводить Плавта, началъ писать одну вещь. Мысль, что если погода станетъ еще хуже, то мы уѣдемъ, мѣшаетъ нѣсколько при постоянномъ занятіи. Сегодня долженъ быть воздухъ не жестокъ, а это главное. Прощайте.

30 Сентября 1860. Пятница. Vévey.

Вчера получили мы письмо отъ васъ. Больно, очень больно мнѣ, что вы такъ беспокоитесь; очень мнѣ тяжело, что наши депеши смущаютъ васъ. Правда, въ нашемъ путешествіи есть ошибка. Но упреки ваши не вполне справедливы. Я именно *лечение* понимаю, какъ цѣль своего путешествія. Я какъ экономію понимаю то, чтобъ *не даромъ* были истрачены деньги, такъ тяжело намъ достающіяся,—деньги, данныя мнѣ на укрѣпленіе моего здоровья. Я желаю, чтобъ эти деньги были истрачены на эту цѣль, на какую они мнѣ даны, и для какой я взялъ ихъ, какъ скоро рѣшился ѣхать лечиться за границу... Я старался, какъ можно добросовѣстнѣе исполнить ваше желаніе и достигнуть цѣли моего путешествія, то есть леченія за границей, какое мнѣ предписано, и вообще укрѣпленія моего здоровья. Вы говорите, что вѣроятно братъ Иванъ не знаетъ, какъ со мною ладить. Неужели вы думаете, что я блажу, капризничаю, и что въ такомъ раздраженіи, что Иванъ мнѣ противорѣчить не рѣшается? Нѣтъ, это несправедливо. Мы, напротивъ, путешествуемъ очень ладно, обдумываемъ всякую мѣру вмѣстѣ, и насъ упрекнуть скорѣе можно лишь въ одномъ, что мы уже слишкомъ стараемся поступать согласно желанію одинъ—другаго. Иванъ точно мнѣ мало противорѣчить, легко соглашается со мною, противъ даже своего желанія; но я его за это упрекаю. Я въ свою очередь стараюсь рѣшить дѣло такъ, какъ бы онъ желалъ. Отъ этого вышло разъ, что мы оба поступили совершенно противъ своего жела-

нія, воображая, что каждый изъ насъ поступаетъ такъ какъ желалъ бы другой. Но и это не доходить до такихъ крайностей. Насъ можно упрекнуть въ одномъ, что мы поступаемъ неразумно. Но и здѣсь упрекъ былъ бы несовсѣмъ справедливъ. Наша поѣздка въ Веве конечно была вполне неудачна; но это узнали мы только здѣсь...

Еслибъ я зналъ, что вы желаете, чтобъ мы ѣхали куданибудь въ другое мѣсто,—о, этого для меня было бы совершенно достаточно: нечего было бы и разсуждать...

Вы беспокоитесь, что я скачу по Европѣ взадъ и впередъ, что меня это утомляетъ. Повѣрьте мнѣ, что дорога мнѣ дѣлаетъ и сдѣлала уже положительную пользу. Я бы не могъ такъ ѣздить, еслибъ это слишкомъ меня утомляло. Я чувствую себя крѣпче, больше силъ; запыхиваюсь гораздо меньше; правая нога моя такъ укрѣпилась, что я могу ходить на каблукахъ совершенно свободно. Я думаю, что дорога для меня очень полезна. Моя болѣзнь, кажется, много состояла въ слабости, въ упадкѣ силъ, въ ослабленіи всего организма; для этого воздухъ, дорога, перемѣна мѣста на время—очень важныя средства. И вотъ на нихъ-то я попалъ, хотя цѣль была постоянное виноградное леченіе. Это случается, что человѣкъ ищетъ лекарства, его не находятъ, но нечаянно найдетъ другое, болѣе настоящее, которое и сдѣлаетъ ему пользу. Пошлутъ, на примѣръ, кого-нибудь, чтобъ онъ нашелъ себѣ цѣлительную траву; онъ пошелъ, искалъ и не нашелъ, но прошелся, вспотѣлъ и выздоровѣлъ. Я вовсе не говорю, чтобъ виноградъ былъ для меня бесполезенъ; напротивъ, считаю его себѣ существенно полезнымъ и думая продолжать леченіе виноградомъ; но мнѣ кажется, что, не думая о томъ, я сдѣлалъ себѣ пользу именно этими поѣздками, которыя временно иногда и утомляли меня, но только временно. Усталость проходила, а польза оставалась...

Изъ всѣхъ докторовъ, больше всѣхъ мнѣ понравился Шкода: простой, дѣльный и прямой... Теперь конечно очень сожалѣю, что не послѣдовалъ его совѣту; но тогда, кажется, не безъ основанія была рѣшена поѣздка въ Веве. И такъ мнѣніе Шкоды—самое важное. Вы знаете его мнѣніе... Шкода думаетъ, что мнѣ нѣтъ надобности зиму проводить за границу, что я могу выздороветь и въ Москвѣ. И такъ, я думаю положительно воротиться въ Москву.

Теперь хотимъ ѣхать въ Вѣну, тамъ или гдѣнибудь около, лечиться виноградомъ, и потомъ—въ Москву, тою дорогою, которою вы приказываете, т. е. на Петербургъ, хотя я было хотѣлъ прямо попробовать изъ Варшавы въ Москву. Вы говорите, что письма меня

утомляютъ. Увѣряю васъ, что нѣтъ. Я сталъ гораздо крѣпче и сверхъ того пишу неспѣша, и мнѣ жаль, что мои подробные рассказы, которыми думалъ я сдѣлать вамъ пріятное, на васъ наводятъ сомнѣніе обо мнѣ. Будьте спокойны, читайте не смущаясь.

Мюнхенъ, 3 Октября.

Когда мы утромъ, 1 Октября, уже собирались, чтобъ выѣхать изъ Веве, принесли намъ вашу депешу. Она была получена еще наканунѣ нѣ 8 часовъ вечера; но Кюршд не было дома, онъ воротился поздно и прислалъ депешу поутру. Отвѣтъ нашъ вы конечно уже получили. Рѣшившись выѣхать изъ Веве въ Вѣну, мы думали изъ Вѣны прислать вамъ депешу, и даже приготовили ее по нѣмецки; но, получивъ вашу, отвѣчали вамъ немедленно изъ Веве... Мнѣ такъ больно воображать себѣ ваше безпокойство, тогда какъ на дѣлѣ нѣтъ причины для безпокойства, что я рѣшился и не счелъ за грѣхъ побойтаться, въ телеграфной депешѣ даже! Я знаю, что вы мнѣ повѣрите. Вы знаете, божусь-ли я понапрасну, и вообще божусь ли я... Мы остановились на день въ Мюнхенѣ, рѣшительно изъ благоразумія, даже безъ надобности, ибо я къ 6 часамъ утра (мы пріѣхали вечеромъ въ 9^{1/2}) отдохнулъ прекрасно. Но, зная, что вы бы желали, чтобъ мы ѣхали съ отдыхомъ, оставаясь даже на день, мы рѣшились остаться. Къ тому же здѣсь кстати есть, хоть и не важныя, кой-какія дѣла касательно переводовъ, для которыхъ впрочемъ не стоило бы останавливаться. Но, право, даже и тутъ, прекрасно и, основательно выводя, что благо-разумно и хорошо будетъ остановиться на день въ Мюнхенѣ, я боялся, что на дѣлѣ выдетъ глупость*). Вѣдь и другія мои рѣшенія были кажется, обдуманы благоразумно, а на дѣлѣ выходила глупость!.. Въ депешѣ нашей, мы просимъ васъ подождать нашихъ писемъ, потому что нельзя всего объяснить въ телеграфической депешѣ. И вотъ невыгода телеграфовъ: они даютъ результатъ одинъ, безъ процесса, изъ котораго онъ образовался, и поэтому извѣстія телеграфическія (кромѣ своей краткости) могутъ часто давать неясныя и ошибочныя понятія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они полны и опредѣлительны, на примѣръ: *я здоровъ* и проч...

*) Оно такъ и выходило. Это неминуемое послѣдствіе неразумнаго распоряженія Русскихъ докторовъ, посылающихъ тяжело-больныхъ за границу, осенью. „Путешествовать слѣдуетъ съ отдыхомъ“; но какой-же это отдыхъ, когда поѣздъ, какъ напр., въ Мюнхенъ, приходитъ въ 10 часу вечера и прежде чѣмъ добраться до постели, нужно пересѣсть въ скверныя дрожки, ѣхать въ гостинницу, гдѣ, за немѣнѣемъ комнатъ въ нижнемъ или бель-этажѣ, подниматься по лѣстницѣ ступенекъ 70, придти въ холодную горницу (въ эту пору года въ гостинницахъ холоднѣе чѣмъ въ вагонахъ), ждать, пока истопится печь, пока нагрѣется нумеръ и бѣлье,— а къ утру комната вновь остынетъ... И. А.

...Мы изъ Швейцаріи вырвались, какъ изъ погреба. За нами остались дождь, сырость, снѣгъ и стужа. Только что мы переплыли Констанцкое озеро и, вступивъ на почву Германіи, направились къ Сѣверу, какъ въ воздухъ замѣтили благопріятную перемѣну, и не мы одни только. Правда, дождь еще мочилъ, но не постоянно; облака расходились, и являлось солнце. Швейцарія—это погребъ Европы, да и погребокъ притомъ. Я не знаю, есть ли страна, гдѣ-бы такъ пили. Швейцарія пьянствуетъ страшно и веселится, хотя Наполеонъ, кажется, и до Женевы, и до Веве, и до всего Женевского озера добирается. Я очень доволенъ, что мы оставили пьяную Гельвецію. Оставаться въ Веве—было чистое безуміе, и мы бѣжали отсюда. Послѣ трехъ красныхъ дней, пошелъ дождь, сдѣлалось холодно и снѣгъ выпалъ на горахъ, одѣвъ ихъ даже до половины, о чемъ я уже писалъ вамъ. Я виноградъ ѣлъ съ большимъ вкусомъ, но онъ далеко не такъ сладокъ, какъ бываетъ. Мнѣніе не докторское, а общественное, было большею частію таково, что *cure* невозможенъ; если не вреденъ, то бесполезенъ. Но я переносилъ виноградъ хорошо и увѣренъ, что онъ былъ бы очень для меня хорошъ. Когда пошла стужа и дождь, тогда нельзя было ѣсть сейчасъ принесенный мокрый виноградъ, ибо онъ былъ очень холоденъ. Мой виноградаръ, честный человекъ, выбиралъ мнѣ конечно лучшей виноградъ, но онъ началъ мнѣ казаться кисель; очень можетъ быть, что хорошій, не столь кислый, уже былъ снятъ: его конечно было немного. Но когда погода стала хуже, тогда и Кюршо сказалъ, что я долженъ сидѣть въ комнатѣ. И такъ, какое же это виноградное леченье: безъ воздуха, безъ прогулки, и виноградъ, по крайней мѣрѣ, сомнительный? Очевидно, что продолжать *такое* леченье было бы непростительное безуміе. Къ тому же, я думаю, что горный воздухъ мнѣ вреденъ. Именно *въ красный день*, прогуливаясь утромъ, я схватилъ было сильное раздраженіе въ груди и, замѣтя, что виноградъ его усиливаетъ, я долженъ былъ дня на два оставить виноградъ. Раздраженіе это, съ помощію домашнихъ средствъ, прошло совершенно, и я было опять принялся за виноградъ; но увѣрился, что въ Швейцаріи въ нынѣшній годъ просто не можетъ быть *cure*. Въ довершеніе всего, 30-го Сентября, была погода еще гнуснѣе: шелъ холодный дождь, по временамъ снѣгъ, къ вечеру выяснило, былъ морозъ, такъ что въ лужахъ замерзла вода въ нашемъ садикѣ, и на другой день 1-го Октября, солнце освѣтило горы, обсыпанныя снѣгомъ, сверху до самой подошвы. Снѣгъ покрывалъ берега Женевского озера, мѣстами до самой воды, лежалъ на крышахъ деревень, дрова на рынкѣ были покрыты снѣгомъ. Вспомнилъ я нашу пословицу: „Покровъ—землю покроетъ“. Такъ вотъ про кого она сказана: про Швейцарію. Часовъ около 9-ти утра было

(не на сѣверной сторонѣ) всего два градуса тепла. Итакъ мы видѣли въ Швейцаріи, въ Веве (le plus beau pays du monde) настоящую зиму. Хозяйка объявила намъ, что vendange*) назначенъ немедленно: ибо надѣяться на виноградъ болѣе нечего. Вѣроятно много его померзло; говорятъ, что вмѣсто вина придется дѣлать уксусъ. Разумѣется, это еще болѣе оправдывало наше рѣшеніе. Надо сознаться, что въ комнатѣ у насъ былъ хорошій воздухъ и очень тепло; но вѣдь я не съ тѣмъ пріѣхалъ въ Веве, чтобъ сидѣть въ теплой комнатѣ; въ Россіи, конечно, зимнее устройство лучше. Наша честная хозяйка сама была того мнѣнія, что намъ надо уѣзжать. Мы простились съ хозяевами очень дружески, и наконецъ выѣхали изъ Швейцаріи. Замѣчательно, что въ эту самую ночь, на 1-е Октября, я вижу во снѣ, что кто-то въ Веве присылаетъ намъ депешу отъ васъ, милая маменька, и проситъ извиненія, что она получена еще вчера, а что онъ присылаетъ ее только нынче. Проснувшись, я думалъ, что на почтѣ, гдѣ мы должны были садиться въ дилижансъ, чтобъ ѣхать въ Лозанну (а оттуда продолжать путь по желѣзной дорогѣ), что на почтѣ отдадутъ намъ письмо Раевского, полученное наканунѣ вечеромъ съ депешей; но сонъ сбился гораздо прямѣе: Кюршо прислалъ намъ вашу депешу, милая маменька, вчера полученную. Мало того: мы, вовсе не ожидая, встрѣтили его у почты, и онъ извинился, что не прислалъ вчера...

Рѣшившись ѣхать изъ Швейцаріи, мы съ братомъ обсуживали даже вопросъ, куда ѣхать. Въ теплыя страны? Но гдѣ, наконецъ, эти теплыя страны? Кюршо намъ сказалъ, что въ Мадридѣ 3 градуса. Къ тому же зиму тамъ я проводить не намѣренъ, слѣдовательно ѣхать туда не стоитъ. Куда же? Такъ какъ въ нынѣшнемъ году Европа, кажется, раздѣлена на двѣ полосы, на Восточную и Западную (въ первой—тепло, во второй—холодно) то мы рѣшились ѣхать въ Вѣну, которая на Востокъ Европы; ѣсть виноградъ въ Баденѣ, какъ скоро условія къ тому благоприятны, и если нѣтъ, то можетъ быть, двинуться въ тѣ Австрійскія земли, гдѣ тепло и хорошій виноградъ. Въ Вѣнѣ мы близко отъ Россіи, и она самое удобное мѣсто для того, чтобъ оттуда куда нибудь направиться, если въ ней, или около, будетъ неудобно. Есть много и другихъ причинъ, заставляющихъ предпочесть Вѣну. Я увѣренъ, что тамъ погода недурна.

7 Октября. Вѣна.

Вчера получили мы ваше письмо. Меня и изумляетъ, и огорчаетъ, что вы не получаете нашихъ писемъ. Только разъ случилось, что я

*) Сборъ винограда.

написалъ черезъ недѣлю, а то обыкновенно два и три раза... Теперь пишу вамъ (въ Октябрѣ) пятое письмо, которое сегодня, кажется, отправить не успѣю. Намъ *ваши* письма необходимы. Сестра пишетъ, что письма долго ходятъ: не стоитъ писать. Нѣтъ: очень стоитъ. Надо правду сказать, что исключительная быстрота сообщеній, какъ телеграфы, имѣетъ свою вредную сторону (я не говорю про тѣ случаи, гдѣ телеграфы вполне у мѣста). Эта скорость сообщенія балуетъ, и развиваетъ, и питаетъ въ человѣкѣ любопытство, одну изъ вреднѣйшихъ и суетнѣйшихъ сторонъ его духа. Чтò касается до меня, то я съ величайшимъ интересомъ прочту письмо, полученное черезъ двѣ недѣли послѣ телеграфической депеши (слѣдовательно писанное за двѣ недѣли)...

Мы остаемся въ Вѣнѣ, чтобы здѣсь лечиться виноградомъ. Вчера братъ и Раевскій исходили всю Вѣну, вдоль и поперекъ, отыскивая квартиру, и ничего не могли найти. Пришлось остановиться въ гостинницѣ. Теперь пока мы занимаемъ превосходный №, въ 1-мъ этажѣ, за который платимъ 3 гульдена 15 крейц.; сравнительно съ нашими гостинницами, это чрезвычайно дешево, но у насъ за то жизнь идетъ не въ гостинницахъ. Сегодня самъ я ходилъ на рынокъ условиться съ торговкой касательно винограда; винограда фунтъ 30 крейцеровъ (15 к. с.), и то если его братъ постоянно; но виноградъ—настоящій сахаръ. Я началъ сегодня его употребленіе, безъ особенныхъ мудрствованій. Погода здѣсь очень теплая. Вѣна биткомъ набита и, пріѣхавъ въ Вѣну и не нашедъ мѣста въ нѣсколькихъ гостинницахъ, мы попали въ самую аристократическую: *Hôtel Munsch*; помѣстили насъ въ 3-мъ этажѣ; комната превосходная, высокая, сухая и теплая; но 4 гульдена и всходить—*102 ступени!* Потому мы, не теряя времени, переѣхали въ другую гостинницу, гдѣ и стоимъ теперь, именно въ гостинницѣ: *Zum Römischen Kaiser*, въ 1-мъ этажѣ, въ томъ прекрасномъ №, о которомъ я вамъ сейчасъ говорилъ. Сегодня въ эту гостинницу долженъ пріѣхать Гессенскій принцъ, всегда здѣсь останавливающийся; онъ ѣдетъ послѣ завтра въ Варшаву съ Австрійцемъ; но я надѣюсь, что имъ не удастся.

Признаюсь, мнѣ кажется, что я могъ бы уже думать о возвращеніи въ Россію. Конечно, я здѣсь въ Вѣнѣ стану продолжать свой виноградъ, который я вчера началъ; но недѣли черезъ двѣ его уже снимутъ. Я и теперь могу ѣсть виноградъ въ Вѣнѣ, только *вчера* снятый съ вѣтки, а послѣ двухъ недѣль и этого не будетъ, а будетъ *raisin conservé**). Впрочемъ надо обратить вниманіе на дѣйствіе вино-

*) Сбереженный виноградъ.

града. Очень бы хотѣлось знать ваше мнѣніе и получить вашъ совѣтъ. Отъ Вѣны уже прямой переѣздъ до Варшавы: мысль эта отрадна. Впрочемъ, я думаю, что мы, можетъ быть, пойдемъ на Сталупененъ, слѣдовательно вѣроятно черезъ Берлинъ, гдѣ мнѣ бы не мѣшало зайти къ нѣкоторымъ профессорамъ, а потомъ, на Петербургъ, и оттуда въ Москву. Прощайте. Надобно еще послѣдовательно рассказать вамъ наше путешествіе изъ Швейцаріи до Вѣны. Здѣсь около насъ наши добрые Славяне.

Вѣна, 11 Октября.

Сегодня я пишу, и самъ думаю отнести на почту. Я употребляю виноградъ, самъ всякое утро хожу на рынокъ брать его, и ѣмъ два раза въ день: проснувшись въ постелѣ и потомъ передъ обѣдомъ. Такъ хочу продолжать, слѣдовательно каждый день порядочный кусокъ сытнаго мяса: при виноградѣ больше не нужно. Не знаю, будетъ ли виноградъ дальше мириться съ кофеемъ. Но вотъ въ чемъ дѣло; сегодня погода гораздо холоднѣе; если погода сдѣлается положительно холодною, а виноградъ будетъ окончательно снятъ и перенесенъ въ погреба, то мнѣ кажется, лучше воротиться въ Россію, въ Москву, на что я и испрашиваю вашего позволенія. Теперь негдѣ искать винограду: тамъ, гдѣ онъ былъ хорошъ, онъ большею частію давно снятъ; тамъ гдѣ онъ былъ дуренъ, онъ не годится, да и тамъ его снимаютъ; онъ еще не снятъ въ сѣверной части Европы, какъ и здѣсь на примѣръ въ Вѣнѣ. Варвинскій говоритъ, что какъ не найти въ Европѣ винограда! Положимъ такъ; но вѣдь надо его искать, и нерѣдко понапрасну. Мы это отчасти и дѣлали. Чтоже дѣлать, если въ Европѣ, и именно въ извѣстныхъ виноградныхъ мѣстахъ, оказалась такая стужа и такой плохой виноградъ? Во всякомъ случаѣ, теперь изъ Вѣны ѣхать для винограднаго леченія, кажется мнѣ, не куда и не время. Но если въ Вѣнѣ сдѣлается дурная погода, и виноградъ снимутъ: то, кажется мнѣ, не для чего оставаться и въ Вѣнѣ. Въ Москвѣ теплѣе будетъ въ дурную погоду, да и виноградъ можно *достать сбереженный* (соп-сервѣ). какъ и здѣсь онъ скоро будетъ только такой. Въ Россіи тепло зимою найти можно. А о какомъ-то *тепломъ климатѣ во время зимы* можно предоставить говорить мечтателямъ*). Можетъ, и есть теплый климатъ, только не здѣсь, а на примѣръ въ Бразиліи, гдѣ зимою 18 град. тепла въ тѣни. И такъ, вотъ наши мысли. Я увѣренъ, что вы ихъ одобрите. Если возвращаться на зиму въ Россію, то лучше уже возвращаться раньше, какъ скоро здѣсь въ чужихъ краяхъ не для чего оставаться, какъ скоро здѣсь уже не будетъ ни тепла, ни свѣжаго

*) Точно тоже говаривала Екатерина Великая. П. Б.

винограду. Если же вы бы рѣшительно захотѣли, милая маменька, чтобы мы вернулись въ Россію позднѣе, вы всегда можете остановить насъ по телеграфу. Только, право, не для чего возвращаться на зиму поздно, особенно, когда здѣсь оставаться не будетъ особенной нужды. Но пока можно, и пока хотя сколько-нибудь нужно, мы хотимъ остаться здѣсь.

Въ Воскресенье 9 Октября, здѣшній императоръ выдалъ манифестъ „къ моимъ народамъ“. Манифестъ этотъ произвелъ сильное и разнообразное впечатлѣніе. Въ этомъ манифестѣ заключается все, чего ждали эти „мои народы“, все, чего добивались въ Государственномъ Совѣтѣ. Многія надежды страшно обмануты. Но за то, противъ ожиданія, большая уступка Венгріи. Улицы вечеромъ, по дорогѣ императора въ Варшаву, велѣно было освѣтить. Когда мы съ Иваномъ пришли въ свою комнату, кельнеръ говоритъ намъ съ восхищеніемъ, какъ иллюминированъ городъ. Отъ чего же иллюминированъ, спросили мы: отъ того, что императоръ уѣхалъ? Кельнеръ нѣсколько обидѣлся и отвѣчалъ; „въ городѣ радуются, что императоръ *поѣхалъ въ Россію*, что онъ въ Варшаву ѣдетъ“. Этотъ отвѣтъ довольно любопытенъ. Но я надѣюсь, что Австрія ошибается въ своей радости. Газеты ея, въ самомъ дѣлѣ, или скрываютъ эту радость, или точно видятъ, что нечего Австріи надѣяться на союзъ съ Россіею, который, со стороны Россіи, былъ бы чудовищнымъ.

Надо, наконецъ, вкратцѣ рассказать вамъ нашъ переездъ изъ Женевы сюда.

Кюршо сказалъ, что, по его мнѣнію, я долженъ бы пить Емскія или Соденскія воды; но что теперъ онъ мнѣ совѣтуетъ употреблять теплое молоко, а котеры оставляетъ, какъ воспоминаніе объ немъ, совѣтуя поставить ихъ еще нѣсколько на груди съ лѣвой стороны. Кюршо былъ сконфуженъ и огорченъ. „Я думалъ, сказалъ онъ мнѣ, что у насъ будутъ вечера, и что вы будете намъ рассказывать и говорить про Россію“. Вѣроятно всѣ свѣдѣнія о насъ почерпнулъ онъ отъ Русскихъ, здѣсь живущихъ. Наконецъ, простившись любезнѣйшимъ образомъ со всѣми, двинулись мы на почту, гдѣ, послѣ долгаго ожиданія сѣли въ дилижансъ, который и довезъ насъ до Лозаны. Въ Лозанѣ мы ждали нѣсколько часовъ, потомъ сѣли наконецъ въ вагоны желѣзной дороги и наконецъ поѣхали. Теперъ намъ приходилось ночевать въ мѣстечкѣ, сѣсть на пароходъ поутру, и потомъ опять на на желѣзную дорогу; но тогда мы значительно опаздывали. Была и другая возможность: въ этомъ мѣстечкѣ, не ночуя, сѣсть въ дилижансъ, проѣхать берегомъ озера, ночевать въ Биль-Нидау и съ желѣзной до-

рогой въ 5 часовъ утра двинуться далѣе; тогда мы выгадывали много времени. Мы рѣшились на второе. Спросили кондуктора. Кондукторъ сказалъ: „Это можно; но знаете ли вы дорогу, господа? Дорога дурна, а особенно ночью“. Это поксебало насъ, и мы скорѣе были готовы остаться. Приѣхали темнымъ вечеромъ въ мѣстечко. Шелъ дождигъ, и было очень холодно. Былъ какой-то омнибусъ изъ гостинницы, да ужъ уѣхалъ. Мы однако все думали остаться, ибо и ѣхать было не-пріятно, и говорили съ братомъ, какъ бы добраться до ночлега. „Стало быть, вы не спѣшите, господа“, сказалъ молодой человѣкъ по русски, котораго въ темнотѣ мы и не замѣтили. „А вы ѣдете?“ спросили мы. „Бду“. — „Говорятъ, дорога дурна“. — „Да, чтò дурна! Горь особенныхъ нѣтъ“. — „Но сама дорога дурна“. — „Ну вотъ, вѣрно такъ, ничего“. — „Ну, если вы ѣдете, такъ и мы ѣдемъ“, сказали мы, и стали ждать дилижанса. Впрочемъ намъ сказали потомъ, что самыя дурныя мѣста исправлены. Русскій этотъ—молодой человѣкъ, Лаврентьевъ, кончившій курсъ въ Московскомъ Университетѣ, хорошо всѣхъ насъ по наслышкѣ знающій и Отесиньку. Онъ, узнавъ, что мы Аксаковы, вдругъ сталъ называть насъ каждога по имени и по отечеству. Онъ учится въ Гейдельбергъ и занимается весьма серьезно; теперь спѣшилъ къ открытію курса. Онъ мнѣ очень понравился. Въ немъ такъ ясно проглядывала Русская природа. Такая простота, такое отсутствіе фразы. Узнавъ, что я нездоровый человѣкъ, онъ очень внимательно обо мнѣ заботился; но все это такъ просто; видно было, что не вниманіе хотѣлъ ко мнѣ показать, а хотѣлъ, чтобъ было хорошо и удобно. Ему, какъ и слѣдуетъ Русскому, смѣшны Нѣмецкіе студенты-бурши съ ихъ попойками и шутками, которые, между прочимъ, притомъ враги Гарибальди и свободнаго движенія. Долго ждали мы дилижанса; ждалъ съ нами одинъ Нѣмецъ, возвращающійся изъ Египта, куда онъ ѣздилъ, какъ вы думаете, за чѣмъ? Заводить пивную. Наконецъ, дилижансъ приѣхалъ. Мы усѣлись втроемъ въ купѣ и двинулись; доѣхали благополучно; но дорога въ самомъ дѣлѣ не очень ѣздовата; тутъ же дѣлается желѣзная дорога; набросаны камни, нагромождены телѣжки и пр. Дорога идетъ въ гору; съ одной стороны крутъ вверхъ, съ другой крутъ внизъ, и колесо ѣхало часто почти въ обрѣзъ, по краю. Благополучно доѣхали мы до городка *Биль*. Я не знаю, писалъ ли я вамъ, что мы проѣзжали черезъ этотъ Биль, ѣдучи въ Вевѣ и должны были въ немъ ночевать. Мы были поражены тогда пѣснями на улицахъ и въ гостинницахъ, пьяными и вообще *уляньемъ*; видно было, что городъ *уляетъ*. Мы спросили о причинѣ такого пированья. Намъ сказали, что теперь праздничные дни у нихъ: собралось общество Гельвеціи. Въ этотъ второй проѣздъ, ночью же и при дождѣ, было гораздо болѣе

пьяныхъ на улицахъ, гораздо болѣе раздавалось пѣсень во все горло, и гостинницы были еще больше набиты. Насъ не пустили въ одну, мы пошли въ другую; и въ ту не пускаютъ; но хозяйка однако, сжалившись, повидимому, сказала, что нельзя же пріѣзжихъ оставлять на улицѣ, и что она дастъ намъ комнату. Но эта комната занята офицерами, возразилъ ей дворецкій. Но офицеровъ мы можемъ положить и въ залъ, возразила хозяйка, и спросила насъ, когда мы уѣзжаемъ. Мы отвѣчали, что въ пять часовъ утра. Этотъ отвѣтъ рѣшилъ дѣло, и комната была намъ отдана. Расчетъ хозяйки оказался вѣренъ. Когда мы сошли въ пять часовъ въ обѣденную залу, чтобы расплатиться, офицеры наши еще не возвращались изъ казино, куда пошли пировать. Мы нашли въ залѣ немолодую Швейцарскую чету, нагружающую себя виномъ. Наконецъ сѣли мы въ омнибусъ, повезшій насъ на желѣзную дорогу; съ нами сидѣло семейство, только что воротившееся съ бала, и молодой офицеръ, тяжело натянувшійся виномъ, тоже, кажется, съ бала. Всѣ эти подробности привожу я для того, чтобы дать болѣе наглядное понятіе о впечатлѣніи, какое производитъ Швейцарія. Да что у васъ опять за праздникъ? спросили мы въ Билѣ. — Праздникъ офицеровъ, отвѣчали намъ. Наконецъ оставили мы Швейцарію и пріѣхали въ Мюнхенъ.

16 Октября.

Сами можете судить, какъ встревожило меня извѣстіе о болѣзни Хомякова*). Будемъ ждать вашихъ писемъ. Австріи полнѣйшая неудача въ Варшавѣ. Мы дальше, чѣмъ были прежде за Варшавой. Теперь это всѣ видятъ.

*

Въ Вѣнѣ К. С. Аксаковъ изнывалъ отъ чахотки. Намъ сказывали, что за богослуженіемъ въ тамошней посольской церкви проливалъ онъ обильныя слезы, молясь на колѣняхъ. Къ нему изъ Москвы пріѣхали мать и сестра Вѣра Сергѣевна. Иванъ Сергѣевичъ повезъ ихъ, по опредѣленію врачей, на островъ Зантъ, гдѣ въ Декабрѣ того же 1860 года тихо скончался Константинъ Сергѣевичъ. Послѣднія слова его были: „Божественный Хомяковъ“. Онъ и самъ человекъ божественный, какъ называлъ его (въ концѣ своей жизни) пишущему эти строки графъ С. Г. Строгановъ, нѣкогда, по приказанію изъ Петербурга, преслѣдовавшій его по дѣламъ печати. П. Б.

*) Хомякова тогда уже не было на свѣтѣ: онъ скончался почти внезапно 23 Сентября. Боясь сообщить эту роковую вѣсть Константину Сергѣевичу, его хотѣли подготовить къ ней постепенно, почему сперва и написали ему, что Хомяковъ занемогъ довольно серьезно. И. А.